

and so θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Аристов Руслан

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ

Руслан Иванович Аристов

Четвертая четверть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26907308

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга, изменившая историю. Книга, предлагающая свежий, небанальный взгляд на факты, которые официальной историей искажены донельзя. Книга для тех, кто не научился думать! Потенциальному читателю настоятельно рекомендуется открыть книгу и начать ее читать. Предложенная Вашему вниманию аннотация интригует, но не впадает в крайности.

Четвертая четверть.

Можно, конечно, все валить на Первое апреля... Но, начавшаяся в этот развеселый день, последняя четверть учебного года показалась нам, ученикам восьмого «А», просто фантазмагоричной (именно этим словом описал все в дальнейшем произошедшее знайка Груздев).

Во-первых, у нас появился новый учитель истории и обществознания.

Блаженный.

Фамилия у Василия Ивановича была такая смешная – Блаженный.

Елену Сергеевну, которая изводила нас зубрежкой и бессмысленным переписыванием страниц из учебника в тетради, уволили за очередное рукоприкладство еще до Нового года, и новый историк, на ее фоне, по прошествии неисторичной четверти, показался нам просто идеальным: он был исключительно вежлив с нами, нетребователен к тетрадям и совсем не ставил двоек, объясняя это тем, что знание истории полезно в принципе, но вот оценивание этого знания – бессмысленная затея, ибо история – не постоянна, многие даты и цифры – гипотетичны, а зачастую – банально фальсифицированы, да и вообще – сама «историческая наука» периодически переписывается и подстраивается под требования времени! Плюс к этому он был олицетворением (по словам девочек) древнегреческих аполлонов. Статный кра-

савец, пышущий здоровьем и задором. Короче, он сам по себе был классный, а его еще и поставили к нам классным! Блаженство!

Но еще более поразительным и неправдоподобным оказался всем перевод в наш класс двух странных учеников. Мальчика и девочку.

Сказать «странных» – это ничего не сказать, но, собственно, поэтому я и решил рассказать вам эту историю.

Первой учитель добродушно представил девочку:

– Родина Люба. Попала с родителями в аварию, очень долго восстанавливалась и вообще... Пропустила много школы и, несмотря на то, что старше вас на год, ей придется начинать все сначала. В нашем классе. Прошу ей во всем помогать и вообще...

Родина представляла собой невзрачное несуразное создание с задорными хвостиками русых волос и веснушками, рассыпавшимися по улыбающемуся лицу.

Следом за Любой Василий Иванович представил и мальчика, крепко сбитого подростка с серьезным взглядом и харизмой лидера:

– А это – РодИна Мирек, с ударениями на буквах «И», – улыбнулся учитель. – Он с родителями приехал из другого города, и вообще... Ну, сами все, что надо, узнаете, а этот год, а может и вообще, они доучатся с нами. Для адаптации новичков я попрошу освободить им первую парту. А также – любить их и жаловать!

– И вообще... – добавил за Блаженного штатный юморист Шустов и класс вразнобой прыснул добродушным смешком...

***

В апреле город поглотила долгожданная весна и заполнила все пространство таким ярким светом и таким дурманящим ароматом свежести, какие бывают только в период пробуждения природы от зимней спячки. Головы от необъяснимого счастья (или химических последствий наступления весны) кружились у всех, и учебой не горел никто. Ни ученики, ни их горемычные учителя.

Зина и Нина, молоденькие училки начальных классов, не стесняясь, демонстрировали свои разноплановые достоинства перед Блаженным, невзирая на то, что их кабинеты находились в противоположном крыле здания.

Старшеклассницы тоже резко взялись за перегрызание гранита истории, видимо инстинктивно, но без шансов на взаимность, повинуюсь весеннему гормональному пробуждению.

Школа кишела страстями в пучине броуновского движения страждущих обрести и передать знания, накопленные предшествующими поколениями.

Среди всего этого вселенского школьного хаоса непоколебимым утесом стойко держался наш историк.

Василий Иванович со спокойствием удава наблюдал за брачными играми самочек, безжалостно подогревая страсти

то уместными комплиментами, то смелыми шутками, то голливудской улыбкой. Одна только его сентенция про вред морали, мимоходом озвученная Зине и Нине и случайно услышанная нашей Тяжловой дорогого стоила: «В самом начале библии становится очевидным, что все беды человечества произошли от познания стыда. Соответственно, бесстыдство – основа спасения человечества!», подмигнул обалдевшим девушкам Шалящий аполлон и пошел готовиться к уроку...

А на уроке бегло просмотрев наши потрепанные тетради, он ухмыльнулся и, заявив что «историю пишут победители», предложил вместо нудной зубрежки, для получения итоговой пятерки за год и по истории, и по обществу (независимо от предыдущих оценок!), всем написать рефераты на тему: «А что, если дело было так?», в которых описать свое видение любого исторического события. Мы с радостью приняли это предложение, ибо рефераты по-всякому лучше, чем тупая зубрежка.

С этого-то все и началось...

***

На переменах школьникам не до общения. Нужно успеть отметить в гаджетах: в играх, сетях.

Но после уроков добрая половина класса стянулась к лавочкам школьного стадиона (злая убежала готовить реферат), чтоб поближе познакомиться с новиками, которым объяснили, что эта процедура нужна для их же пользы. Да, собственно, они и не возражали, и пришли к месту встречи вме-

сте со всеми.

Начали с Мирека.

– Откуда ты такой взялся? – с наигранной суровостью принялся за расспросы неугомонный Шустов.

– Я приехал с отцом из Москвы. Он сюда по своим делам месяца на три-четыре. А я с ним напросился.

– Сына на пару месяцев пристроить в школу другом городе? Это кто у нас папа? – Тяжлову всегда в первую очередь интересовало материальное положение пострадавших (так называли всех новеньких, попадавших в наш «А»).

– Папа – начинающий бизнесмен. Недавно вышел в отставку с военной службы и занялся бизнесом.

– Генерал, надеюсь? – внес свою лепту серьезный Лунев.

– А, что... Пожалуй, что генерал! Он секретный военный. Ни званий, ни орденов. Говорит – сослуживец Самого! Ну, вы понимаете – боец невидимого фронта...

– Не очень... – сделала умное лицо красавица Киреева. Но тут же добродушно улыбнулась – А почему – Мирек? Мирослав?

– Нет. Любомир. Так что можно и Люба, я не обижаюсь, но Мирек привычнее. РодИна – чешская фамилия, – спокойно ответил Мирек. – В переводе значит – «семья». Я – чех.

– Будь здоров. (Шустов)

– И папа мой чех. (Будь здоров). И все мои предки по мужской линии. Мой пра-пра-прадед был в числе военнослужащих чехословацкого корпуса, которые помогали поддержи-

вать порядок в России во время вашей гражданской войны. Здесь, в Сызрани, он встретил свою любовь, но до рождения сына не дожил. Погиб. Но с тех пор ведет отсчет российская ветка нашей родины. И мы с папой решили в свободное время поискать могилу прапрапрадеда...

– Сдалась она вам... – Нахмурился Шустов, – тут к деду на известно где могилу за всю жизнь раз с батей съездили за пять километров. А вы – черт те куда поперлись искать черт те че.

– Русским этого не понять... У вас нет корней. Вы – потомки кочевников. Сегодня – здесь. Завтра – там. Для вас воля – превыше всего... А для нас – покой. Предков – в том числе.

– Ну, это – не факт, – вступился за нацию патриот Гржфельд. – Много ты про наши корни знаешь! Русские тоже разные есть... Ты вот про своего отца наверняка военную тайну раскрыл! Болтун!

– Ха. Будто ты сказки не сочинишь! Молчи уж, Грыжа, – подала свой голос Красавина, и переключила общее внимание на новенькую – а у тебя – чо за вид странный? Неформалка чтоли?

– Нет, – негромко, но уверенно начала Люба. – Я после аварии восстанавливалась долго. Много денег ушло. А тут еще папа полтора года назад пропал... Испытывал новый вертолет-невидимку и вместе с ним стал невидимым... Мама успокаивает, говорит, что все хорошо, лечат. Даже день-

ги, вроде, за него получает. Но все равно на все не хватает... Да у вас, я смотрю, форму и не требуют?

– У нас нормальная школа, без «патриотических закидочков», – подтвердил Сережка Гурин, которому Люба почему-то сразу понравилась. – А как это – стал невидимым? Как человек-невидимка?

– Да я не знаю, – потупилась новенькая, – я же его с тех пор не видела. Мама говорит – держат в секретном месте, куда ее саму пускают только по ночам. Вот и ходит куда-то без меня ночами. Говорит, что к папе... Сама с трудом верю. Не маленькая уже... Но – хочется верить...

Родина тяжело вздохнула и опустила голову.

Некоторое замешательство и возможные комментарии прервал анонс Шустова:

– Мдя. У одного – боец невидимого фронта, у другой – вообще – сам невидимка... Спешите! Неизвестные, но матерые сказочники – брат и сестра Андер... Родины дают представление в провинциальном театре школы номер пять!

– Любы... Родины... – задумчиво пробубнила Мишкина. – Странно... Мистика!

***

Блаженный предложил писать рефераты, разбившись по парам-тройкам, предоставив нам свободу создавать авторские коллективы самостоятельно. Лишь на одном творческом союзе он настоял категорически:

– Кучкуйтесь как хотите, но новичкам я настоятельно ре-

комендую писать реферат вместе, отдельно от старожилков. Так будет интереснее. У новеньких опыт других школ, других преподавателей... А подавляющее большинство из вас с детства учится вместе, у одних и тех же учителей, и я сомневаюсь, что рефераты написанные костяком будут значительно отличаться...

Но здесь Блаженный сильно недооценил возможности пятнадцатилетних личностей.

Мы решили дать честный бой канонам и разнести к чертовой бабушке шаблоны и стереотипы.

Как ни парадоксально, но толчок этому нашему безумному порыву (мы нормальные современные дети и одинаково индифферентны ко всему школьному) задал новичок Мирек. После короткого резюме Мишкиной он взял инициативу стадионного разговора в свои руки:

– Ребята! Так получилось – я немного знаю историка и могу вам подсказать, что чем смелее вы будете отходить от классических трактовок спорных событий, тем больше ваши рефераты понравятся Василь Иванычу. Да и вам интереснее работать будет.

– Как это – смелее отходить от классических трактовок? – Вскинулся знайка Груздев. – Это же история. Наука, как-никак.

– Наука, – подтвердил Мирек. – Но спорных моментов-то много... Куликовская битва, Ледовое побоище. Лжедмитрии и Пугачев. Стоит только копнуть и предположить, что

где-то вкралась ошибка в известие о событии, и, обрастая прочими сомнительными сведениями, стала классической строкой в скрижалях. А ведь все могло быть совсем по-другому!

– Например?

– Хм. Ну, вот, вы же видели фильмы про Исаева-Штирлица? Считается, что одним из его прототипов был чекист Блюмкин, которого, по официальной версии, расстреляли в двадцать девятом году прошлого века... Так вот... Сейчас я действительно открою вам тайну... Блюмкина не расстреляли!

– Повесили? – дежурно среагировал Шустов.

– Изменив несколькими пластическими операциями внешность, его внедрили в бурно развивающуюся национал-социалистическую партию Германии, где Блюмкин, при содействии уже адаптированных агентов, сделал быструю карьеру, и под именем Мартина Бормана стал начальником партийной канцелярии Гитлера!

В детских головах закрипели библиографические механизмы, и наиболее быстро соображающий знайка Груздев вступился за правду:

– Блюмкин – троцкист. Его в погоне со стрельбой ловили. А потом – расстреляли! Только дата не известна...

– Во-о-от! – восторженно подтвердил Мирек. – Дата – не известна, погоня – карикатурна, а то, что у Бормана такой же мост золотых зубов, как у Блюмкина – факт... Да и «исчез-

новение» Бормана в период штурма Берлина более похоже на его тайное возвращение на Лубянку...

– Брехня, – резюмировал патриот Гржфельд.

– А чо, нормальная безумная идея, – заступилась Красавина.

– Это тебе папа с невидимого фронта рассказал? – поинтересовалась Тяжлова.

– Шут-точки пошли, – заикнулся было Шутов, но комментарии прервала Родина:

– А что, ребята! Это же прикольно! Использовать нестыковки официальных историй и придумать свою! Молодец, Мирек! Я твою мысль поняла, и с удовольствием буду готовить реферат с тобою вместе.

– Не безумного, а Блаженного, – с грустью поправил Красавину Сережка Гурин.

– А вообще – стоит попробовать, – заинтересовался знайка Груздев.

– Да будет так! – торжественно провозгласил Шутов.

На том и порешили...

***

По авторским коллективам распределились спонтанно.

Тяжлова увязалась за патриотом Гржфельдом. Шутов за-неразлейводился со знайкой Груздевым. Сережку Гурина позвала с собой красавица Киреева.

Люба напросилась начать работу над рефератом домой к Миреку («У меня мама прихворнула, можно сегодня к тебе?»

У сына олигарха дома побываю!»).

Чех не имел ничего против.

Только начали расходиться – у стадиона материализовался Блаженный:

– Географ глобусы пропил, – с ходу объявил он. – А в кабинете истории ни одной карты. Если у кого есть возможность помочь школе с методическими пособиями, – Блаженный откровенно уставился на Мирека, – буду премного.

– Откуда. – Откуда-то пискнул патриот Гржфельд.

– Карты детям не игрушка, – заметил покинувшего поле Шустова серьезный Лунев.

– Василий Иванович, пойдете к нам, – отозвался Родина. – Папа будет рад вас видеть.

– Да, Родина. Очень хорошо, – косвенно подтвердил тесное знакомство с Миреком учитель. – Через пять минут жду тебя у своей машины. Вместе доедем. Раз уж живем рядом.

Тут, откуда ни возьмись, объявились и Нина с Зиной.

– Василий, Вася, – наперебой верещали они (что дает право автору обозначить их тексты от одного лица), – расскажи нам еще про Чехию! Правда то, что ты рассказывают про съемки чешских фильмов? А ты снимался? А нам можно? Ты такой интересный...

И когда они ушли уже достаточно далеко Мирек признался Любе:

– Я ведь историю совсем не знаю. Ненавижу историю. Вся придумана и вылощена. И литературу не люблю. Вернее, я

люблю читать. Но не то, что заставляют в школе.

– А я тоже читаю другое, – улыбнулась Люба. – Все у нас получится, тетка! Не переживай... Мне бы вот математику подтянуть...

– Так это – раз плюнуть! – заверил Любомир и сплоченные тяжкой *участью* школьники отправились писать историю.

***

– Может, про твоего чекиста Бормана и напишем? – предложила Люба, вальяжно развалившись в кресле-качалке.

Школьники закрылись в комнате Мирека, которая находилась на втором этаже огромного коттеджа, снимаемого начинающим олигархом.

Родина-старший внизу принимал Безумного.

– Нет. Про Блюмкина нужно писать большую книгу. Может даже не одну. Это был величайший актер всех времен и народов! А потом и режиссер. Ты же помнишь Шекспира: «Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры». Биография Блюмкина настолько насыщена разнообразными, зачастую противоположными характерными ролями, что трудно поверить, что все это – дела одного человека. А его деятельность по возвращении из Рейха до сих пор запятана за семью печатями...

– Спроси у папы...

– Нет. Нельзя. Лучше ты про своего расскажи! Как это – стал невидимкой?

– Да я, правда, не знаю ничего толком... – смутилась Лю-

ба. – Мама часто ссорилась с ним тогда... А я... Решила что выросла... Ну и осталась как-то на даче с друзьями на ночь... Утром проснулись – головы у всех трещат... Бутылки, окурки... И кровь... И у меня кровь... Я потом, дня через два, из-за этого сильно упала... С большой высоты... Поломалась... Пока лежала полгода в больнице – узнала от мамы, что папа пропал... Как она объяснила – «стал невидимым»! Ха– ха... Шляется теперь ночами по хахалям... Ну, хоть меня не бросила и за то спасибо...

– Да все будет хорошо! – успокоил Мирек. – Может, и правда, испытания какие были? Я где-то читал про вертолет-невидимку. Это реально!

– Не нуди. – Отрезала Люба. – Если хочешь, я тебя поцелую. Только давай не будем про меня...

– Все, все! Хорошо! – улыбнулся Мирек. – давай про историю.

***

– Ты там из школы кабаре не устрой, малахольный! – сердито басил Родина-старший. – Тебя зачем в школу внедрили? Присматривать за пацаном и собирать информацию о Родине. А ты чем занимаешься?

– Чем? – на всякий случай решил уточнить Блаженный.

– Оргиями и развращением... – сгустил краски бас.

Оба улыбнулись и сделали по глотку хорошего пенного пива из больших хрустальных бокалов.

– Ну, допустим, мальчишка сам с усам. Справился с на-

турализацией в школе на «отлично». Я наблюдал. Да и к вопросу о Родине мы приблизились вплотную. Его дочь сейчас с Миреком здесь, на верху. Я думаю, он ее очень скоро обработает, и можно будет более детально разрабатывать план операции.

– Твоими бы устами... Хотя... У меня и свои есть, – и они сделали еще по глотку... – В каком смысле «обработает»?

– В «нашем», Владимир Владимирович, в нашем... А что, правда, Травм – наш человек? – Сменил тему Блаженный.

Родина-старший нахмурился:

– С чего ты это взял?

– Да проанализировал немного... Помните, вы про Цвигуна рассказывали?

– Что он для контакта с Маневичем сам «сел» в фашистский концлагерь?

– Ну, это тоже мощная история. Особенно поражает Маневич. Вот доля у человека... Уже вроде и закончилась его миссия, освобожден союзниками – ступай домой! Нет... Самостоятельно вернулся в Дойчланд, сам снова пошел в лагерь... Вот люди были... Я бы так не смог...

– Богатыри? – ухмыльнулся Родина.

– Не мы... – Согласился Блаженный и продолжил, – Но я про другое.. Про 78-й год. Помните, вы рассказывали, что в декабре 78-го сразу трем шишкам ГБ дали генералов армии?

– Да. Цвигун, Матросов, Цинев. Разработчики афганской темы.

– Но, конкретно Цвигун – диверсии, информация и дезинформация. «Побег» Резуна к англичанам. Разработка «миссии отвлечения» Жориковского... Я так полагаю, что это Цвигун порекомендовал Штази вложиться в Травму?

– На такие вопросы я не могу тебе ответить... Никто не ответит тебе, друг мой... И ты сам это прекрасно понимаешь... Случай и мастерство режиссера – вот основные составляющие человеческой жизни... А режиссер вовсе не на небе. Он здесь. Рядом. И не мне тебе говорить, что отклонение от утвержденной роли влечет отстранение от нее... Травм – это теперь ТРАВМ! Оставь его в покое и не страдай... пусть он там травмирует кого надо... Разберутся.

– А нам здесь как быть? Ведь совсем тяжело стало... Выгляньте, что в этой дыре творится! Бедные дети...

– Не нам решать... Успокойся. – Родина сделал добрый глоток пенного. – Все продумано и отлажено. У Жорика по всей стране базы. Раздавит всех... Да и Сам не промах. Вон, какую силищу поймел. Армия, полицаи, лагеря, гвардейцы – все под ним... Заветы предков не посрамит... Ты давай о деле думай, страдалец... Послал бог блаженного в помощники... Как тебе местные?..

***

Местные корпели над рефератами.

Красавица Киреева со всех сторон охаживала упругой грудью Сережку Гурина. Но парень уже мечтал о другой, и весь смысл реферата пока сводился к начальной фразе: «Ис-

тория – файл, зараженный скриптами».

Таковы уж современные дети...

Нравятся они мне...

Еще наивные и честные, о чем-то мечтающие, во что-то верящие...

– И с какого перепугу решено, что взрослые имеют больше прав, чем дети? Больше страданий вынесли, терпилы? Дольше горбатились за гроши и рано ослабели? Всю жизнь «заботились о вас, теперь пожалейте нас»? И вдалбливают нам с пеленок голимое мракобесие? – распалаясь Мишкина.

– Да достали уже эти взрослые. Хуже детей, ей богу, – в сердцах буркнула Красавина, – нам уже по пятнадцать лет, в эти годы Гайдар уже полком командовал... ну почти... а они нам все врут и сказки нам рассказывают... Все спрашивают – кем ты станешь? О чем думаешь? Сами-то кем стали? Алкаши, быдлятина... Физручка с технологичкой на перегонки с Зиной и Ниной за Блаженным бегают. Дуры...

– Выросли поколения людей, которые искренне считают, что рабами для них должны стать их собственные (и, конечно, чужие) дети! – резюмировала Мишкина, – Давай про это и напишем.

А Шустов со znajкой Груздевым решили сотворить самый серьезный на свете реферат. Только Шустов настаивал, чтоб название у реферата было «Мы историю не учим, а пишем», но Груздев находил это слишком заносчивым.

Гржфельд с Тяжловой быстро нашли общий язык на почве

падения нравов. Их история родилась сама собой...

Все в поте лица пыхтели над домашкой.

***

– А ты чего в историки-то определился? Тебе бы физруком сподручнее, – продолжал школьную тему Родина-старший.

– Да, в эту школу только историки требовались...

– Ты, хоть помнишь что, из истории-то?

– Как раз, недавно совсем по одному делу пришлось Германа Стерлигова проштудировать. Мощно мужик про Лжедмитриев вывел. И вообще про фальсификацию российской истории – правдоподобно. Только с религиозностью, пожалуй, перегнул... Да и у меня методика упрощенная, – ухмыльнулся Блаженный. – Дети забивать голову бесполезными датами и фальшивыми событиями не хотят, а тут – я, такой весь либеральный: ничего учить не надо, с каждого по реферату и – пятерка!

– Хорошо... Пока все хорошо складывается. Родину в оборот взяли. Главное за мальчишкой присматривай, больно амбиции у него большие...

– Ну, какой же ГБешник не мечтает стать монархом? Пока отлично справляется. Никто и не заподозрил, что он – бывший сирота казанская.

– Знаешь, наши спецы тоже не зря пайки получают. Работа с детьми ведется давно. Наш «Любомир» не хуже, но и не лучше других. Но, в нашем случае, хорошо, что Родина

дочку в простую школу перевела. Элитную наш раздолбай не потянул бы... Вы, кстати, отработали вариант на случай вопроса, почему сын олигарха поступил в школу для бедных?

– Так точно. Отбрехается.

– А что там с Родиной Любовью произошло-то? Напомни.

– Да, что... Известное дело. Родители разосрались. Девочка разобиделась. Тут еще и «полюбила тракториста и, как водится»... А потом не вынесла всего этого груза и вышла в окно четвертого этажа. По кусочкам скроили. В это время и интересующий нас инцидент с ее отцом произошел.

– Хорошо... Надеюсь, местная контрразведка не заставит себя долго ждать. Секреты вертолета должны надежно охраняться... Ничего подозрительного пока не заметил?

– Директриса почему-то меня сторонится... Симпатиченькая такая...

– Кабаре, – подвел итог разговора Родина-старший и поставил пустой бокал на стол.

***

На следующий день Мирек все-таки нарвался на неприятности:

– Я понимаю, что вы новенький, я допускаю, что вам не нравится русская литература, но выполнять требования школьного минимума вы обязаны! – верещала тоненьким голоском учительница по литературе. – Как же вы учились в своей прежней школе, если не можете рассказать наизусть ни одной строчки из «Теркина»?!

– Я хорошо учился. Но наизусть мы ничего не учили. Наш учитель считал это излишним и неразумным.

– Как?

– Литературу, особенно поэзию – нужно чувствовать душой... А механически зазубривать пустые, хоть и гладко высланные, строки – насилие над ней же.

– Та-ак... И что же вашей душеньке угодно для блаженства?

– Ну, я же чех. Люблю чешских авторов. Вейль, Чапек, Новачек...

– Похвально... Но так демонстративно пренебрегать тем, что дает вам школа?.. Не знаю... Придется поговорить с вашими родителями...

– Родители то тут причем?! Может быть, мы сможем решить проблему самостоятельно?

– Хм... Хорошо! Я, пожалуй, поручу вам, Родина, подготовить спектакль на школьный выпускной. Это очень простое и ответственное поручение. Вам, как новичку, это может показаться непосильным, но я лично обещаю вам всестороннюю поддержку.

– А я и не боюсь. Я согласен.

– Но ставить вы будете автора из школьной программы!

– Тогда Чехова. Все-таки – потомок чеха...

– Замечательно. Произведение, сценарий и кандидатуры исполнителей ролей жду завтра.

На том и порешили.

***

– Ты выбери, что попроще, – негромко посоветовал на перемене Блаженный. – Вот, помнится, Николай Второй с дочерьми в ссылке «Медведя» играл... А что, очень патриотично – «Медведь», – повеселел историк. – Просто, дешево и сердито. И вообще... Ролей – две или три. Декораций ноль. А пестики под старину у папы попроси. У него есть декоративные, но очень похожие на настоящие.

– Хорошо, – послушно кивнул Мирек.

– На главную роль пригласишь, понятно, Любу. Подружился с ней?

– Да. Все хорошо.

– Молодец. Смотри не перегни палку.

– В каком смысле?

– Ты что, не видишь – в девчонке гормон играет? Малолеточку-то из себя не строй и вообще.

– А-а. Да, все нормально. Я не в ее вкусе... Да и Гурин к ней подкатывает... Вчера «Сердце океана» ей подарил...

– В смысле? Кулон, стоимостью около четырех миллионов баксов?! – опешил учитель.

– Заставку такую на рабочий стол ей прислал... А она обрадовалась...

– Ну, ты нос то не вешай. Я тебе «Звезду Китая» скину – перешлешь, она твоя! А дело закончим – отправим вас в Италию на недельку. Шиканешь.

– Почему в Италию?

– А что? Ромео и Джульетта, Дафнис и Хлоя... Пиза. И вообще – романтика!..

– Ну, да... Только не знает она ничего про отца толком. Только то, что мы и так знаем.

– Да это не важно, – успокоил Блаженный. – Главное, чтоб карусель началась. Можно будет мать в школу вызвать.

– Может, лучше родительское собрание? Вы же – классный.

– На родительское она может не прийти... Кто победнее – на собрания обычно не приходят. Знают, что собрание – сбор денег. Ладно, придумаем что-нибудь. Иди, готовься к обществу. Буду тебя спрашивать.

– Есть! Мой генерал.

***

Общественное началось с гробовой тишины.

Ученики стоически ожидали, что скажет Блаженный.

А тот, в свою очередь, маялся – с чего бы начать.

– На чем вы остановились на предыдущем уроке? – наконец прервал учитель зловещую тишину, рождающую представителей закона.

– У нас предыдущий урок был три месяца назад. Мы уж не помним, – сделал пристрелочный выстрел Шустов.

– Тэ-экс... Ну, а вообще?.. Есть добровольцы? – Не сдавался третий преподаватель.

– Я могу! – вызвался Мирек. – Актуальная тема!

– И я с докладом. – Поднял руку знайка Груздев. – Ме-

ня Елена Сергеевна просила подготовить. Вот, принес сегодня...

– Молодцы! – Встрепенулся Блаженный. – Рассказывай, сначала Родина.

– Человеческое общество, в отличие от человеческой особи, претерпело массу различных формаций. Если человек, по сути, с начала своих времен остается неизменно: потребителем и подлецом, то общество непрерывно эволюционирует. На первых порах люди создавали естественные мизерные протосообщества – роды, и пытались обеспечивать условия для выживания с помощью членов рода. Затем, когда людей стало немного больше, эти же троглодиты стали сбиваться в общества покрупнее – племена, попутно облегчая личные страдания изобретениями лука, копья, колеса и т.п. Когда племена диких, безмозглых людей посчитали, что наличие бОльшей живой силы и вооружения позволяет им уничтожать более слабых людей, началась эпоха цивилизаций. Такие же люди, как мы с вами, объявив себя господами над другими, стали присваивать себе земли и воды, которые раньше занимали другие рода... Для защиты от такого рода цивилизованных соседей, не слишком сильным родам и племенам пришлось сбиваться в общины, которые стали следующим значительным этапом развития общества. К этому времени жадные и подлые людишки изобрели еще много чего для удовлетворения своей жадности и подлости. Да, собственно, подавляющее большинство изобретений челове-

ства направлено на удовлетворение именно этих низменных потребностей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.